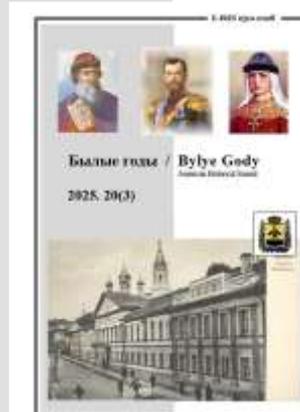

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1052-1064
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1052

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Sultanate or Chiefdom? The Status of Invited Genghisids in the Bashkir Horde During the Uprisings of the early 18th century

Azamat Kh. Ryskildin ^{a, b, *}, Albert R. Asilguzhin ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Research Institute of State History, Astana, Republic of Kazakhstan

^c Institute for the Study of the Jochi Ulus of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article presents an interdisciplinary analysis of the Bashkir uprising of 1704–1711, during which Bashkir leaders invited members of the Jochid dynasty to assume khanate leadership in alliance with Kazakh and Karakalpak forces. Their authority was based on the *ikta-asaba* contractual tradition, rooted in Turkic-Muslim public law. The legitimacy of the invited khans was affirmed by the Bashkir tribal assembly (*jiyin*) and recognized through investiture by the Caliph. This challenges the characterization of the Bashkir Horde as a stateless chiefdom, supporting instead its interpretation as a sultanate with a representative political structure.

The view of the “Bashkir Horde” as a stateless chiefdom is disputed. Despite the fact that the servants of the empire called the rebels “thieves” and “utter traitors,” the Horde was not an “akephaly,” since the status of the sultanate was confirmed by the investiture of the caliph, with the legitimization of representative khan authority within the framework of Turkic-Muslim public law.

Keywords: Yyyin, Ishtecs, Baba-Tukles, Kazakhs, Karakalpaks, Kalmyks, sultanate, dualism, Horde, insignia.

1. Введение

Дискуссии о башкирских восстаниях XVII–XVIII вв. идут третье столетие, возобновляясь по мере ввода источников в научный оборот и по мере методологических инноваций, сквозь призму которых выявляются новые связи явлений, пересматриваются существенные аспекты международных отношений. Научная мысль в постсоветских странах развивается в логике национальных задач, стремится самостоятельно разрабатывать источники и концептуальные основы в репрезентации прошлого, что влечёт разные оценки событий, предполагая необходимость сверки подходов по ключевым проблемам.

Представляется, что восточная экспансия Российской империи в XVIII в. не была результатом лишь военного превосходства в артиллерии. Мнение о том, что противостоявшая ей «Башкирская Орда» была потестарным вождеством, обесценивает дипломатические усилия царских воевод. Значительный корпус источников свидетельствует, что они со всей серьёзностью воспринимали угрозы вовлечения «Башкирской Орды» в международные антиросийские альянсы. Опираясь на знание ордынских государственно-правовых традиций, слуги царя успешно вели *realpolitik*,

* Corresponding author

E-mail addresses: azamat.ryskildin@gmail.com (A.Kh. Ryskildin), asylbert@yandex.ru (A.R. Asilguzhin)

используя взаимную вражду, сословные и статусные противоречия между кочевниками для целенаправленного воздействия на башкирских, калмыкских, казахских старшин и джучидов. Встречные коллизии имперского и тюрко-мусульманского правосознания Башкирской Орды не могли не породить череду ожесточённых конфликтов, идеологически мотивированных откочёвок, отказа от подданства и двоеданства, имевших место в XVII–XVIII вв. на Урале.

Авторы намерены представить анализ международных отношений на Южном Урале в связи с восстанием башкир начала XVIII в. и статуса приглашённых ханов «Башкирской Орды», чьей легитимностью и свитой пользовались главы башкирских родов, привлекая джучидов из Шибанидов-Кучумовичей (Кучук-хан, Мурат-хан, Ырыс-Мухамет-хан) или Урусидов (Тауке-хан, Каип-хан) на координируемую ими ханскую власть. Договорной статус ханов оформлялся ханскими декларациями (подобно Жалованным грамотам Ивана IV) и встречными клятвами («шертью») башкирских беев, согласно устоявшимся с домонгольских времён нормам договора о службе «икта-асаба» между государем и служилым сословием (Тоган, 2010: 56–57). Аналогичные практики были характерны для Речи Посполитой, унаследовавшей их через выходцев из Крымского ханства. Приглашёнными государями которой в разное время были Генрих III Валуа, Стефан Баторий, Ян Собесский, Карл XII, курфюрст Август. Легальный договор о ханской власти с принятым джучидом подтверждал государственный статус «Башкирской Орды», служа формальным основанием участия казахов и каракалпаков в набегах на крепости.

Особый интерес вызывает восстание начала XVIII в., когда в ответ на реформы Петра I на Урале объявляется «Башкирская Орда», фиксируемая в русских и османских источниках. Это позволило характеризовать её фактически независимой (Таймасов, 2010). Ранее учёные либо отказывали «Башкирской Орде» в государственности, как в Российской империи, либо признавали в ней институт «свободного вассалитета» (Устюгов, 1950), либо видели в ней вилайет казахских и каракалпакских ханов (Тоган, 2010). Б.А. Азнабаев правомерно ставит вопрос о статусе «Башкирской Орды», но в поиске ответа опирается на умозрительные конструкты о вожествах, нерелевантные тюрко-мусульманским султанатам средневековой ордынской Евразии (Альтернативные пути..., 2000).

Освещение международной обстановки полезно для оценки эффективности внутренней и внешней политики воевод. Зачастую непродуманными действиями они могли спровоцировать восстание в неподходящий момент. Трезвая оценка ресурсов вынуждала власти мириться с «двоеданством», возвращаясь для «замирения башкир» к условиям «Жалованных грамот» Ивана IV, которыми был закреплён широкий административный, судебный и налоговый иммунитет служилого сословия, включая свободу религии, самоуправления, вотчинного землевладения (но без права держать в зависимости православных крестьян). Чтобы вслед за изменением конъюнктуры усилить давление на башкир.

2. Материалы и методы

Материалами для данной работы послужили архивные материалы и сборники опубликованных документов. Среди архивных материалов использовались: документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Москва, Российская Федерация), содержащие данные об участии казахов и каракалпаков в восстаниях башкир XVII–XVIII вв. В статье использованы также сборники архивных документов. Наиболее важны «Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1» (1936 г.) под редакцией А.П. Чулошникова (МИБ, 1936), «Материалы по истории каракалпаков» (1935 г.), редактором которых выступил А.Н. Самойлович (МИК, 1935). Помимо этого, в статье приводится письмо Каип-хана султану Ахмеду III из архива Топкапы в Стамбуле от 1711 г. Хан призывал халифа освободить народ «Ака Аштак» (Эпистолярное наследие..., 2014: 93).

Со второй половины XX в. в научный оборот стали вводиться аутентичные нарративы тюрко-монгольской и тюрко-мусульманской исторической памяти. В этой связи в историографии возобновились дискуссии о причинах и движущих силах башкирских восстаний XVII–XVIII вв., о характере отношений ханов, царей и служилых башкир, мотивах участия каракалпаков, калмыков, казахов. Материалы этих обсуждений также рассматриваются в настоящей статье.

Исследование конфликтов на рубеже позднего Средневековья и Нового времени, где столкнулись носители разных цивилизационных устоев, априори предполагает междисциплинарные методы кросс-культурного анализа, включая апробированные историками школы «Анналы». Приглашая на договорное правление и выдавая шерти (клятвы о верности), башкирские беи всегда оговаривали и ревностно защищали перед ханами и царями особый статус, существенно отличавшийся от общего режима подданства, который применялся к подданным своего государства. Своеобразие статуса чингизидов, приглашённых в ханы «Башкирской Орды», и политической культуры башкир востребует сравнительно-правовые методы изучения коллизионных норм, выстраивавших через конфликт и рецепцию институтов тюрко-мусульманского, тюрко-монгольского и неовизантийского публичного права не самые устойчивые, но всё же порядки постордынских государств и юрисдикций. Инерцию традиций правосознания допустимо рассматривать как

структуры повседневности, проявлявшие различия ценностных ориентиров романо-германского (имперского), мусульманского и восточного (буддийского) права.

Таким образом, материалы исследования – это исторические свидетельства и историография башкирских восстаний XVIII в. Используются междисциплинарные методы антропологического и кросс-культурного подхода, методы сравнительного правоведения, истории государства и права.

3. Обсуждение

В Российской империи восстания XVII–XVIII вв. объясняли «воровством» непокорных башкир. В.Н. Татищев писал в Сенат: «Земли е.и.в. называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром, для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля» (Цит. по: [Азнабаев, 2016: 10](#)). П.И. Рычков писал в речи для князя В.И. Урусова: «Отчаянные воры башкирцы! Разорители своего покоя и отечества!.. Башкирской ваш народ, между которым всегда с начала вашего подданства большая часть воров и возмутителей были, а добрых самое малое число, изстари был один с нагайцами». Г.И. Перетяткович критически оценивал договоры с кочевниками: «Легкость принятия московского подданства объясняется тем, что кочевые народы полагают принятием подданства выиграть четыре процента на один, поэтому при случае они даже соперничают в готовности подданства. Клятву они считают средством выиграть, а клятвopеступление пустыми словами...» (Цит. по: [Азнабаев, 2016: 260](#)). Для вельмож империи не существовало иной легитимности, кроме власти «непогрешимого» царя; сама мысль о его подсудности и договорной ответственности воспринималась как кощунство, «воровство» и «измена». Разве что посольские чины и воеводы были обязаны по долгу службы различать тонкости тюрко-мусульманской и тюрко-монгольской легитимации: «царей» и «царевичей», тайшей и тарханов, беев и сеидов.

Советские историки спорили о «добровольном присоединении» или «завоевании» нерусских народов. А. Чулошников опроверг идею добровольного подданства, заявленную в 300-летие Романовых ([МИБ, 1936: 3-64](#)). А.Н. Усманов её поддержал, уточнив этапы: башкиры Казанской дороги в XVI в., Ногайской и Сибирской дороги с середины XVII в. ([Усманов, 1960](#)). Н.В. Устюгов видел связь царя и башкир как свободный вассалитет: «Подданство московскому царю башкирские феодалы рассматривали как вассалитет, и смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольны, эта добровольность предполагала и право отъезда... если условия вассалитета почему-либо казались неприемлемыми для вассала» ([Устюгов, 1947: 44](#)).

В зарубежной историографии А.З. Валиди Тоган объяснял связь башкир и царя через институт «икта-асаба»: «Башкиры признавались военным сословием, поэтому все мужчины от 17 до 43 лет считались солдатами. Это обстоятельство являлось продолжением того, что они ещё в ханские времена находились в составе войск. Взамен башкиры имели право передавать свои земли по наследству (“икта”). Башкиры и мишаре, имевшие подобные права, считались “асаба”. И русские слово “икта” перевели на свой язык как “вотчинник”» ([Тоган, 2010: 56-57](#)). А.С. Донелли отметил, что завоевание башкир шло вдоль рек. А. Каппелер считал башкир закрытым сообществом до упразднения Башкирского казачьего войска в 1864 г.: «Клятвы в верности, которые давали кочевые народы “белому царю”, интерпретировались сторонами по-разному ... в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для вождей или кланов, Москва с её патримониальным мышлением, характерным для оседлых..., выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом...» ([Каппелер, 2000](#)).

В постсоветской историографии важный вклад в понимание договорных связей царя и башкир внесли И.Г. Акманов, А.З. Асфандияров, Н.М. Кулбахтин, Р.Г. Буканова, В.В. Трепавлов. В XV–XVI вв. край башкир был наместничеством Ногайской Орды, где её биев готовили к власти. Значит ли это, что башкирские тарханы были их аталыками? «Ногайская Башкирия» оказалась за пределами улусно-крыльевой системы Орды, являясь её четвёртой автономной частью, наряду с двумя крыльями и центром ([Юсупов, 2009: 9](#)). Кучумовичи во многом зависели от беев рода Табын ([Тюменское и Сибирское..., 2018](#)). На основе шежере (родословных) Ю.М. Юсупов выделил союзы родов: кипчак-юрматинский Ногайской дороги, табынский Сибирской дороги, назвал их «конфедерациями». Вассально-сеньориальная система, «свободный вассалитет» Н.В. Устюгова – это всё про служилых. Но что сказать о встречном статусе ханов Башкирской Орды? Чтобы судить: государство ли это (султанат) или вождество?

Понимая недостаточность утверждений о «фактической независимости» Башкирской Орды, авторы намерены представить междисциплинарный анализ восстания башкир начала XVIII в., где под эгидой призванных ханов участвовали казахи и каракалпаки. Представительный статус ханской власти, ограниченный беями башкирского йыйына, воспринимается «конфедерацией» или «политией» только в инерции представлений о государстве, сложившихся в эллинистической парадигме сакрализации государей, через рецепцию романо-германского права. Однако ни башкиры, казахи, каракалпаки, ни калмыки не были носителями таких убеждений. Внутренняя критика архивных источников требует абстрагироваться от предубеждений царских информаторов и

чиновников. Лишь в контексте тюрко-мусульманского публичного права становится ясно, что приглашённые в «Башкирскую Орду» ханы были не вождями и не суверенами, а условными правителями, признанными решением башкирского йыйына.

4. Результаты

Для анализа геополитической ситуации XVII–XVIII вв. на Южном Урале и в Поволжье особенно важны следующие ключевые моменты:

Во-первых, это приграничная зона (лимес) вдоль Закамской засечной черты, а также острогов Уфы и Сибири. Эта линия отделяла внутренние земли Русского царства от внешних. Внутри этой линии оседлое население подчинялось ясачному административному режиму, тогда как кочевники за её пределами, признанные вассалами, получали военную защиту от царской власти в обмен на службу, похожую на вспомогательные войска (ауксилии). В. В. Ермаков пишет, что с середины XVII в. Закамская черта строилась именно для обороны от внешней военной угрозы (Ермаков, 2008: 97). Также важно понимать, что влияние царской власти в степи напрямую зависело от дальности выстрела крепостных пушек. Кроме того, контроль над речными путями позволял Москве, через торговлю и привилегии, направлять одни кочевые племена против других.

Во-вторых, значимую роль играла многовекторная политика калмыцкого хана Аюки. Он формально присягнул русскому царю (дал шерть), но одновременно вёл тайные переговоры с крымскими, хивинскими и казахскими ханами, польским королём, а также с башкирскими, кавказскими и ногайскими старшинами. При этом он не считал себя связанным какими-либо договорами, кроме духовных обязательств перед далай-ламой (Тепкеев, 2018: 92).

В-третьих, у башкир были особые представления о власти и праве. Они отличались как от норм Русского царства (что вызывало пренебрежительные оценки воевод), так и от политических традиций калмыков, джунгар и казахов. Башкиры унаследовали политические порядки Ногайской Орды Улуса Джучи. После распада Ногайской Орды в XVII в. башкиры стали, по сути, единственными продолжателями её политико-правовых практик.

Обычно исследователи описывают Ногайскую Орду как государство, где реальная власть находилась у беклербеков из рода мангыт (потомки Едиге), а ханы были скорее формальными фигурами. Однако недооценивается влияние шейхов – джуйбарских сеидов тариката накшбандия-муджадия. Именно они давали духовное одобрение на то, кто мог войти в правящую элиту (улюль-амр), а кто – нет. Чтобы понять статус ханской власти у ногайцев (а затем у башкир), полезно обратиться к типологии, предложенной Ю. Паулем и использованной А. Ф. Кюгельген в книге о легитимации мангытов (Кюгельген, 2004: 44). Они выделили следующие модели отношений между чингизидами и шейхами:

а) Когда хан принимает ислам, а шейх наставляет его в частном порядке, вне исламского публичного права, – как в случае хана Берке и шейха Сайф-ад-дина Бахарзи в XIII в. В XVII в. в этой роли оказались Кучумовичи в Орде ойратов;

б) Когда шейх представляет интересы мусульманской общины перед ханом, который правит как мусульманами, так и язычниками, – как это было при Узбек-хане и шейхе Баба-Туклесе в XIV в., при казахском Тауке хане в конце XVII в.;

в) Когда шейх становится официальным наставником (мюршидом) хана в полностью исламском окружении, где власть хана (его мюрида) нуждается в регулярном подтверждении со стороны имама во время пятничной молитвы (хутбы). Именно этот режим со-правления едигидов и чингизидов («один хан – один бий»), где оба подсудны сеидам, действовал в Ногайской Орде и у башкир.

В суннитском (авраамическом) правосознании правитель, будь то султан, эмир или хан, считается лишь политическим агентом общины (джамаата, уммы). Он не имеет права самостоятельно устанавливать нормы, но должен исполнять шариат. Его полномочия ограничены военной и распорядительной сферой, и, если богословы (уляма, бии) решат иное, он обязан подчиниться. В противном случае, подданные хана вправе отказать ему во власти и откочевать. В эллинистической традиции и мировоззрении пантеизма власть правителя сакральна (фараона, императора, короля, царя), его решения – источник права. В суннитском мировоззрении монотеизма государство – это нормативно-правовая организация общины, в мировоззрении эллинистического пантеизма (от римского права) государство – это организация публичной власти. Б.А. Азнабаев абсолютно прав, цитируя К. Леви-Стросса о том, что с позиций культурной антропологии некорректно подходить к объяснению структуры политической системы в категориях инородной ей системы понятий (Азнабаев, 2016: 4). Но, увы, он некритически опирается на умозрительные конструкты «суперсложного вожества», потестарной «акефалии», продуктивность которых спорна для народов тюрко-монгольской традиции (ойратов), тем более нерелевантна культуре тюрко-мусульманской (башкир, каракалпаков, казахов).

В поздних государствах, образовавшихся на территории Улуса Джучи, важную роль играли общие собрания, такие как казахский курултай, башкирский йыйын, литовский сейм, Земский собор времён правления касимовского хана Симеона Бекбулатовича или Петра Ордынского. Эти органы служили основой для признания власти и легитимности правителей. Даже в тех местах, где Иван IV

пытался ввести неовизантийские порядки («опричь» ордынских), такие институты всё равно сохранялись как важный элемент государственной власти.

Историк П.И. Рычков записал с ошибкой рассказ бия рода табын Кидраса Муллакаева о прежнем главе башкир как «Тюря-хан Бабату-Клюсов» (Усманов, 1960: 48-49). Речь шла не о хане-правителе, но об исламском шейхе Баба-Туклесе. О нём писали Д. де Виз, А.К. Муминов (Исламизация..., 2003), в летописи Кара-таварих (Чингиз-наме) (Утемиш-хаджи, 2017: 45-46) он упомянут духовным наставником Узбек-хана. Среди башкир память о нём хранилась вплоть до XVIII в., что говорит о высоком авторитете и важной роли сеидов в их жизни.

Понимание отмеченных факторов помогает лучше разобраться в причинах и предыстории башкирских восстаний начала XVIII в.

В XVII в. ситуация на границах Московского царства часто менялась. Вначале противниками были потомки Кучума, опиравшиеся на башкир рода Табын. Пришедшие с востока ойраты породнились с сыном Кучума – Ишим-ханом, и вместе нападали на царские остроги. Часть башкир Сибирской дороги, ранее не признавших Кучума (Сальют, Айле, Сынгрян), перебрались ближе к Уфе и стали защищать её от Кучумовичей. Башкиры Ногайской дороги были в двоеданстве, выплачивая символический ясак царю и Кучумовичам. Разбив Ногайскую Орду, ойраты вытеснили часть ногайцев за Волгу, часть подчинили (тех стали называть каракалпаками). При этом они понуждали башкир платить ясак по прежним ордынским нормам – под предлогом, что действуют от имени Кучумовичей. Так, в 1623 г. ойратский тайша Уруслан требовал от рода Сынрян платить ему ясак, однако последние отказались (Усманов, 1960: 132).

Ввиду давления калмыков, башкиры Ногайской дороги в середине XVII в. присягнули царю Алексею Михайловичу, заключив договор о службе (Тоган, 2010: 47-48). После Переяславской Рады 1654 г. царь привлёк калмыков на службу против Крыма и Польши, обещав им вернуть родных из башкирского плена. Возмущённые башкиры ответили восстанием 1661–1663 гг., перейдя на сторону Кучумовичей. Царь был вынужден пойти на уступки, что принесло пользу в первые годы Разинского бунта (1667–1669 гг.). Тогда, следуя фетве сеида Идриса, Сеит Мерген из рода Табын вместе с частью казанских башкир и казаками осадил Симбирск. Были захвачены Астрахань и Самара. Но халиф так и не ответил на письмо Разина, газават не был объявлен (Тоган, 2010: 69). Этим воспользовались царские дипломаты, и большая часть башкир осталась нейтральной.

В 1670-х гг. калмыцкий тайша Аюка победил своих соперников – хошутов Кунделен-Убаши и Аблая. Воеводы согласились помочь ему в обмен на клятву верности (шерть). Война ослабила всех ойратов, и хан Хивы сумел выйти из-под зависимости от калмыков. Те сообщали царю: «От тайши их отложился и дани давать не почал, и торговых людей из улусов их торговать не пускает» (РГАДА. Ф.111. Оп.1. Д.30. Л. 169). Казахи начали заселять земли вдоль Эмбы, Тобола, Яика, стали нападать на укрепления Закамской черты.

В 1681–1684 гг. царь Фёдор запретил иноверцам держать православных в крепостных. Большинство мусульманских помещиков сохранили привилегии, приняв крещение, и вошли в состав дворянства. Остальные были лишены прав и переведены в ясачные татары. Некоторые бежали за линию к башкирам, чьи привилегии также отменили. Тогда сеид Джафар объявил газават и провозгласил власть Кучук-хана, внука Кучума. Калмыки сначала поддержали хана, когда московские стрельцы отказались выйти в поход по приказу царевны Софьи. Донские казаки обещали ей верность, но вместо этого ограбили посады Астрахани (Тепкеев, 2018: 76). Часть башкир не желала союза с калмыками и продолжала взаимные набеги. В 1683 г. донские казаки успешно атаковали Яик, европейская коалиция победила османов под Веной. Всё это, вместе с царским жалованьем, склонило калмыков перейти под руку Москвы. В 1684 г. царь пошёл на уступки, и башкиры добровольно прекратили восстание, вернувшись в прежнее положение двойного подданства (Акманов, 2016).

Почти весь XVII в. между башкирами и казаками находились калмыки. Как писал Левшин: «На запад подались Киргиз-Казаки въ первой половине XVIII столѣтия; въ концѣ же XVII, и даже въ первых годах XVIII между верховьями Урала и Эмбы кочевали Башкиры, а между устьями сихъ рѣк, Калмыки» (Левшин, 1832: 55-56). Доброммыслов отмечал: «Сведения о том, кто населял в былые времена нынешнюю территорию Тургайской области, имеются лишь с конца XVII в. Кустанайский уезд и большая часть Тургайского были населены кочевым народом башкирцами, а Актюбинский и часть Иргизского занимал другой кочевой народ калмыки, и только южные части Тургайского и Иргизского уездов были заняты кочевьями киргиз... Средняя Орда, вытеснив башкир, заселила земли в нынешних Кустанайском и Тургайском уездах, а Малая, оттеснив калмык, заняла своими кочевьями Актюбинский и Иргизский уезды Тургайской области и Уральскую область» (Доброммыслов, 1902: 3-4).

После ухода калмыков в низовья Волги башкиры вошли в прямой контакт с мусульманскими ханами и султанами, стремившимися восстановить свою власть на Урале и в Сибири. В 1694 г. башкиры дали шерть казахскому хану Тауке (МИБ, 1936: 94). В 1695–1696 гг. башкиры и калмыки фактически саботировали Азовские походы: башкиры стреляли в осаждённых тупыми стрелами, говоря азовцам «что де они крови проливать с ними не хотят, и чтоб они стреляли на обе стороны мимо», и «никогда они Руси не доброхоты» (Тепкеев, 2018: 142).

Масштабные войны Петра I требовали затрат. В 1704 г. в Уфу явились казанские «прибыльщики» (фискалы) и начали притеснять башкир, выдумывая поборы и пытки: 72 новых налога, в том числе на мечети, на «серые глаза» (так выискивали беглых). Даже «лучших людей» (беев) пороли, парили и спаивали насмерть. Ясачные народы (татары, чувашаи, черемисы) массово бежали к башкирам. Прибыльщики были уверены, что ни служилые стрельцы, ни казаки, ни башкиры не посмеют ослушаться «приказа царя» и злоупотреблений. Но восстание охватило весь приграничный пояс от Волги до Сибири.

Фельдмаршал Б.П. Шереметев, подавляя мятеж, опасался, как бы стрельцы старoverы из Астрахани «...не пристали к башкирцам и к каракалпакам, которые ныне воруют около Саратова и Самары». Был риск, что «пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь, калмык побить и на твоё царство иттить», «если б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была» (Акманов, 2016: 134-136). Учитывая тяжёлое положение в Северной войне, Шереметев отказался от жестоких акций казанских комиссаров Н. Кудрявцева и А. Сергеева, которые спровоцировали восстание. Он действовал осторожнее: обещал отмену поборов, изолировал лидера приграничных башкир Дюмея Ишкеева, отправив его с челобитной к царю. Это предотвратило соединение башкир со стрельцами и дало разбить бунт поэтапно. В марте 1706 г. была снята осада Царицына, а затем взята Астрахань.

Возврат крепостей ещё не означал контроля в степи. Конницы Аюки-хана, несмотря на жалование царя, не хватало. Силы пришлось разделить: калмыков направили на ногайцев Кубани и южных башкир, гарнизоны должны были устоять от каракалпаков, на севере против башкир во главе с Иман-батыром собрали ополчение дворян. Весной 1706 г. башкиры Казанской и Ногайской дороги решили подать царю челобитные, но отказались воевать против других повстанцев: «Посылать от себя для поимки тех воров не смеют и о том де их Иманове батыря с товарищи воровстве волен» (Акманов, 2016: 142).

Как считает И.Г. Акманов, башкиры вернулись к миру и сами прекратили восстание, не заявив ещё о выходе из подданства царю. И только в ответ на казнь челобитчиков, отмену уступок и репрессии поднялись на новое восстание 1707–1711 гг. В котором приглашение чингизидов на ханскую власть знаменовало принципиально иной статус и уровень политических требований.

Такая сложная конструкция представляется не вполне удачной. Разрыв в интенсивности военных действий скорее объясняет:

а) сезонный характер боев: на время перекочёвок и обустройства на летних (яйляу) или зимних (кышлау) стоянках башкиры временно прекращали походы;

б) различие в положении прилинейных башкир, живших вблизи крепостей, и тех, кто кочевал подалее от них. Прилинейные башкиры Казанской дороги постоянно подвергались воинским вылазкам, и, чтобы выжить, часто прибегали к тактике двойного подчинения: формально присягали царю, но при удобном случае уклонялись от службы во вспомогательных войсках (ауксилиии).

Например, Кусюм Тюлекеев, батыр зауральского рода Тамьян, арендовал земли рода Еней, близ Закамской линии. Стремясь сохранить угодия, он то приносил присягу царю (в 1706 и 1709 г.; МИБ, 1936: 234-236), то переходил на сторону восставших. Как произошло в битве у г. Юрактау в 1707 г., что повлекло разгром полков П. Хохлова и С. Аристовы. Зимой 1708 г. башкиры взяли Заинск, осадили Шешминск (МИБ, 1936: 216). Аюка сообщал в Стамбул, что башкиры на льду Волги потопили 40-тысячное русское войско (Тепкеев, 2018: 219). Хотя это число явно преувеличено, поражение было серьёзным, что подтвердилось срочной переброской регулярных войск с запада на защиту Казани.

В связи с изменением соотношения сил и окончанием сезона, прилинейные башкиры стали приносить повинные, но многие ушли с повстанцами вглубь степей (Акманов, 2016: 150-159, 164). В боях у Закамской линии и осаде Уфы бились башкиры всех четырёх дорог, в Южном Зауралье крупных боёв не велось. Вдали от крепостей, башкиры чувствовали себя в относительной безопасности. Влиятельный Алдар-батыр из рода Бурзян использовал это положение, чтобы заключить внешние союзы. Что было оформлено приглашением на представительную ханскую власть – либо потомков Шибана (сына Джучи), то есть Кучумовичей, либо к потомкам Тукай-Тимура, казахским Урусидам.

В ставке царя не питали иллюзий о надёжности повинных, расценивая события с 1704 г. как непрерывный бунт. В 1709 г. новый губернатор Казани П.М. Апраксин докладывал: «О башкирцах доношу: уже три года до меня и ныне стоят злодейственным своим упорством и воровством; ныне по призыву от них знатного вора, приехал к ним из каракалпак некий вор, будь то ханов сын, тому, что у нас кажен, дядя или брат..» (МИК, 1935: 160). Чтобы умалить внешнеполитическое значение войны, вельможи царя неизменно называли таких чингизидов «ворами» и «изменниками», заведомо зная об их происхождении. Так, в конце 1709 г. на «воинский поиск» хана Башкирской Орды был направлен отряд П.Хохлова, разбитый у г. Юрактау. Вылазке из Уфы предшествовал вызов казахского Каип-хана: «Которой к вам приехал хан Хозей и князя по совету // 7 юртов согласясь с совету послан ис 700000 людей,.. Казань был Шигалея хана юрт, а Уфа была Гаряя хана юрт, оба мусюльманские юрты были, и вы иноверцы из мусюльманского юрта подите вон.., а буде в мусюльманскую веру не пойдете, давайте нам дани... прежнюю вашу вину простили, а ныне прощать

не будем. Сей, который к вам приехал сын мой и что слов и старших, .. с ним приехали, буде ослушны учинитесь, отнюдь прощения не будет...» (МИБ, 1936: 265).

С.У. Таймасов не уточняет имя чингизида, по призыву «их знатного вора» – Алдар-батыра (Таймасов, 2010: 116). А.З. Валиди Тоган называет его сыном Каипа по имени Хузей, исходя буквально из слов о «сыне, посланном вперёди» (Тоган, 2010: 88–99). Азнабаев Б.А. не согласен с версией И Биша И.Г. Акманова, что под именем «Салтан-Хузей» скрывался сподвижник Алдара Исекеева Хази Аккускаров. В этом он ближе к истине, указывая, что это скорее нарицательный лакаб. Однако ошибается, полагая «Хозяя» сыном Каипа бин Кучука, племянником Мурата бин Кучука (Азнабаев, 2016: 265). А.З. Валиди Тоган считает Каипа сыном Тобурчука из казахских Урусидов, а не Кучумовичей (Тоган, 2010: 84–88). И.В. Ерофеева утверждает, что в сражении участвовал Абулхаир, якобы уже соправитель Каип-хана (Эпистолярное наследие..., 2014: 99). Здесь важно понимать, что понятие «сын» в ханском письме означало не родство, а скорее подчинённого или младшего по статусу, то есть иерархию, отношения опеки, где власть хана подобна власти отца над сыном. Башкирское слово «хужа» (хозяин) означало «владелец», и «Хузей» воспринимался как хан-владелец.

Наряду с казахским ханом, в тот же год в Зауралье был активен Кучумович, опиравшийся на род Табын. Князю М. Я. Черкасскому писали: «о приезде с Нагайской дороги на Сибирскую дорогу каракалпацкого ханского сына Рых-Мананбета с воровскими людьми башкирцами и нагайцы и о войне в нынешнем 709 году летнею порою под Катайский острог и под иные слободы, и о призыве ... с 6 волостями к тому ханскому сыну в подданство; и ханов де сын стоит в зборе з башкирцами и с каракалпаками в 8000-х и хотят идти войною на заводы и слободы, и под города Тоболеск и Тюмень и Верхотурье;» (МИБ, 1936: 272). Ырыс-Мухамет был сыном Бушая-султана (МИК, 1935: 160–161) и был признан ханом среди башкир Бурзяна, Тунгаура и Тамьяна (Тоган, 2010: 62, 97).

Как же башкиры строили отношения с двумя ханскими династиями – казахскими Урусидами и Кучумовичами, призвав их «править» одновременно? По мнению А. З. Валиди Тогана, в 1709 г. они присягнули сразу трём султанам: Хузей-султану, его отцу Каип-хану и Ырыс-Мухаммет-султану. По достигнутой договорённости, ханом Ногайской дороги стал Каип и его сын Хузей, ханом Сибирской дороги – Ырыс-Мухаммет с согласия Каипа (Тоган, 2010: 95).

На наш взгляд, ведущую роль в создании этого союза играли не чингизиды, которые и раньше не стремились к объединению, а сами башкирские лидеры: Алдар-батыр из рода Бурзян, Уракай-батыр из Табына, Кусюм-батыр из Тамьяна и другие влиятельные бии. Они стремились консолидировать силы под общей эгидой. Под письмом Каип-хана царю и воеводам стоит семь родовых печатей башкирских беев (тамг), из чего следует, что решение о признании Каипа ханом и объявлении войны было принято на башкирском йыйыне (МИБ, 1936: 265).

В тюрко-мусульманском праве султан считался законным правителем только после получения инвеституры от халифа. Поэтому и Каип-хан, и Кучумовичи искали одобрения своей власти у османского султана. Лишь тот, кто получал фирман халифа, признавался башкирами как «салтан-хужа» – легитимный правитель. В источниках разных лет и после казни Мурат-султана встречается обозначение «Салтан-Хузей» – но это не имя собственное, а нарицательный титул: правитель, наделённый властью по шариаду.

Судя по ним, башкиры, не пренебрегая казахскими Урусидами, в вопросах легитимации власти отдавали предпочтение Кучумовичам. Особо почитали Мурат-султана, сына Кучук-хана. Его называли салтан-хужа ещё до призвания Каипа. В 1707 г. Мурат прибыл в Стамбул, где получил из рук халифа халат и 2000 левков. И.Г. Акманов считает, что Мурат не получил искомой поддержки: хан Крыма игнорировал приказ султана Ахмеда III оказать помощь (Акманов, 2016: 145). В феврале 1708 г. Мурат осадил Терскую крепость, опираясь лишь на чеченцев, ногайцев Кубани и немногих башкир. Был тяжело ранен, захвачен в плен и казнён (МИБ, 1936: 238–243). Но выдача халата с плеч халифа входила в ритуалы официального делегирования власти (хил'ат-и фахра). Такой халат служил инсигнией – вящим символом, подтверждавшим, что его обладатель признаётся владельцем (валяя) определённой территории, с правом объявить газават (Halil Inalcik, 1989; Imber, 2009). Иначе бы никто из мусульман Кавказа и Кубани не принял участие в штурме, независимо от его знатности.

Видимо, ещё до осады Мурат-султан уведомил башкир о получении фирмана и начале газавата. В том же феврале под Казанью пытались татарина Б. Акбулатова: «Пришел он к Шешминску для присмотру, сколько в нем людей сидит в осаде и где крепкие и худые места... всех дорог башкирцы, также и мещеряки... и черемиса... начали мыслить к воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукой и под волею великого государя не быть... посылали к салтану турецкому и к хану крымскому... чтоб им дал кому ими владеть... привезли с Кубани Салтан-Хозяю, что называется ханом, ...все ему куран целовали, чтоб им всем ему послушны... за святого его почитают и воздают ему честь» (МИБ, 1936: 225).

Из Казани А.Д. Меньшикову доложили: «На Уфе с 704-го году окладчиков нет, ... башкирцы били переписчиков,... учинился воровству начаток на Уфе не от податей, ...умыслили они воры башкирцы, чтоб им не быть под державою его царского величества// посылали ... в Турки к салтану и в Крым к хану домогатца, чтоб их приняли к себе в союз. И как им от салтана и от хана им в том отказано, ... привезли с собою к башкирам с Кубани вора ... и других с собою возмутили, чтоб им быть

самовластным, и намерялись ... уезды завладеть, а единоверцев к себе привлечь, и того вора учинить прямым салтаном» (МИБ, 1936: 236).

Мурат-султан выступал не только как хан башкир и каракалпаков, но и как лидер широкой коалиции. Он призывал на свою сторону казаков К. Булавина и И. Некрасова (Тоган, 2010: 86-87, 98). Историк С. Соловьёв подтверждает: войска П. Хохлова были разбиты у г. Юрактау, а Булавин находился у Терского городка в тот же период (Соловьёв, 1962: 173, 178). Мурат также обращался и к хану Аюке (МИБ, 1936: 238-243). Однако калмыки, контролировавшие низовья Волги, препятствовали объединению сил: ногайцев и булавинцев с горной стороны, и каракалпаков, казахов и башкир – с луговой стороны Волги. В марте 1708 г. казаки Некрасова напали на улус Аюки. Он не смог собрать большое войско против башкир. В мае, когда некрасовцы осадили Саратов, по приказу стольника И. Бахметьева на них двинулись 10 тысяч калмыков, и столько же атаковало башкир с юга, чтобы не допустить объединения (Тепкеев, 2018: 211).

Понимая стратегическое значение позиции, Аюка-хан осторожно вёл игру, получая выгоды как от империи, так и от связей с султанами. Победа Петра I под Полтавой укрепила в нём готовность служить царю, но также усилила опасения, что империя начнёт ограничивать его вольности. В 1710 г. от Аюки к султану Ахмеду III прибыл Пехлеван кул. Похоже, Аюка знал, что халиф признал Мурат-султана ханом, и пытался представить себя союзником башкир, утверждая, что в 1708 г. якобы отказался выступить против потомка Чингисхана. Однако тогда калмыки сражались на стороне царя под командованием Б. Шереметева.

Перед отправкой Пехлеван кула в Стамбул в улусе Аюки-хана совещались посланцы башкир, казахов и каракалпаков (Тепкеев, 2018: 219). А.З. Валиди Тоган считает Пехлеван кула представителем общего союза между калмыками, башкирами, казахами и каракалпаками (Тоган, 2010: 100). В пользу этого говорит и то, что Аюка пригрозил зарубить «своего посла», если его рассказ о помощи башкирам не будет включён в отчёт аудиенции. Торгуя заслугами, он в том же году писал царю, что задержал и вернул башкир, откочевавших к каракалпакам, просил за это вернуть калмыков, бежавших от него на Дон (МИБ, 1936: 276).

Неудача Прутского похода 1711 г., Северная война, безуспешные попытки подавить башкир требовали изменить меры. П.М. Апраксин представил проект: «Оное башкирское злодейство надеюся без таких многих кровей и разорения ... успокоить». Принимая во внимание: а) массовое бегство ясачного населения из внутренних округов, что влекло потери для казны; б) невысокую эффективность дворянских ополчений вдали от линии крепостей; в) консолидацию мятежа вокруг «воровских ханов» – губернатор стремился расколоть старшин, обещая вернуть прежнее положение при условии повинных. При этом, действуя адресно, «чтобы воевать с варварами руками других варваров»: «О тех башкирцах доношу: народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал, хотя б так как на Дону подобно атаманы, и таких не имеют, принятца не за ково и чтоб особно послать не х кому» (МИБ, 1936: 252, 257).

В отсутствие калмыков, переброшенных за Волгу, губернатор искал новых вассалов. На роль ауксии, принеся повинные, пошли прилинейные башкиры. Кусюм писал Алдар-батыру, как, видимо, его научили: «Те ханы и салтаны в своих землях живите, а нам их не надобно., а мы им салтаном и ханом без боев противных живы никогда не поддадимся... а у нашего великого государя силы много безсметно и вам вора́м нас и земли своей никогда не отдаст... ты великому государю нашему принеси повинную и приезжай в Казань к боярину Петру Мавеевичю Опраксину... и своею рукой подай челобитную» (МИБ, 1936: 254).

«Пущие изменники Алдарка с товарищи» повинные не принесли, но «призвали к себе ис каракалпак воровского хана Хазея, ... в феврале месяце ... 709-го году с теми воровскими башкирцы в тех башкирских юртах, от Уфы ездою в 5-ти днях, в урочищах в Юрмантинскую волость, и многие де башкирцы по прелести тому хану шертовали, что им быть с ним в соединении и итти под Уфу и в ыные государевы города войною» (МИБ, 1936: 258). Пять дней на подводах к ставке хана Башкирской орды – около 200 километров на юг от Уфы.

На Сибирской дороге ситуация понятна из просьб приказчика А. Демидова о защите Невьянского завода (МИБ, 1936: 273, 275). Князю М. Я. Черкасскому: «башкиры де, ... по за Миясу реке, приклонились к нему ханову сыну (Ырыс-Мухамету) все без остатку, токмо де не пошли к нему те с которых волостей были в Тобольску взяты аманаты... ездили де они к Чебаркуль озеру к... салтанову сыну... и он де им сказал: прислал де ево к ним башкирцам ис каракалпаков дет ево Кучюк хан по подзывке башкирцев Нагайской дороги Алдар-бая и Уракая с товарищи, и те де башкирцы приклонились к нему большая половина, а вы де малые люди» (МИБ, 1936: 269). Таким образом, в зоне риска были пограничные земли от Верхотурья через Уктусский завод (ныне Екатеринбург) до Тобольска, включая Каменский, Катайский, Шадринский и Ялуторовский остроги.

Воеводы не стремились обострять обстановку, чтобы сохранять снабжение армии и флота по рекам. Даже П.М. Апраксин в 1712 г. просил разрешения: «С салтаном турецким у царского величества мир утверждён... зело способно нам здесь з домашними злодеи, з башкирцы управитца, которые неотложно в своей измене и бунтах стоят и непрестанные от них имеем опасности и разоренье ... ис Казани и из других городов больши 10000 ясашников к ним ушло, всех принимают и берут дани,

а нам не отдают,... zelo добро с такими злодеи управитца ... и учинить данниками прямыми... к нынешним нуждам в лошедех довольное вспоможение... паче народ пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякаго смирения и в местах обетованных, на мноих тысячах верстах... для того с Украины прислать ко мне полка 2 драгун и 2 полка солдат на время да к тому последних своих, что могу собрать из гварнизонов с теми пойду» (МИБ, 1936: 277).

В 1711–1721 гг. активных действий против башкир почти не велось. В преддверии Ништадтского мира в Уфе был оглашён царский указ: «Все ... ваши вины и учиненные противности Мы, Великий государь, по своей милости оставляем...» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 132. Л. 21-210б.). По мнению С.У. Таймасова, повстанцы добились независимого положения края. В 1720-х гг. делегация башкир получила от императора грамоту, подтверждавшую условия добровольного вхождения Башкортостана под опеку царя (Таймасов, 2010: 130). Тем самым, башкиры в очередной раз закрепили двоеданство.

Однако Б.А. Азнабаев, следуя оценкам П.М. Апраксина, трактует ситуацию иначе, говоря о «Башкирской Орде» как о «безглавной» акефалии (Азнабаев, Коргунов, 2021), что противоречит и российским, и османским источникам. В 1715 г. Каип-хан писал султану Ахмеду III: «Между нашим государством и Московским ... есть владение, ... называют “Ака Аштак” (иштяк, аштак – башкиры). Его жители – все сунниты... Москва силой завоевала его... Теперь же этот народ со всем своим войском и знаменем, испугавшись Москвы, переселился к нам, воспылав мусульманской верой. Если вы окажете нам помощь, мы сможем отнять у неверных (кафир) восемь городов этого владения...» (Эпистолярное наследие..., 2014: 93).

В ответ халиф признал Каипа валием вилаята и главой газавата, отметив: «Сообщество иштяков (башкир), внутри страны которых все относятся к мусульманам, с помощью Аллаха... приготовлены войска и, ввиду того, что ранее они были захвачены кафырами, ныне, для завоевания своей независимости, распространили среди правителей окружающих их государств известия с просьбой оказать им в этом деле помощь» (Тоган, 2010: 111).

Эта переписка подтверждает публично-правовой статус башкирского края в нормах тюрко-мусульманского права XVIII в. Не следует, однако, переоценивать представительный статус Каип-хана среди башкир, уподобляя его положению среди казахов, или приравнивать власть Кучумовичей среди башкир и в Хиве. Реальный объём их власти явствует из письма Абулхаира в 1715 г., где он указан как местный представитель Каип-хана (datqa), к которому назначен служить (по сыновнему) Тойгунур (ханский посол). В качестве примера дипломатических связей приведён приём табынского посла Карт-батыра (от Кучумовичей) Каип-ханом в г. Ясы (Тренкустен, Туркестан), «о пресечении башкирской и киргис-кайсачей ссоры и размене их полонников». Наделённые полномочиями Тойгунур и Карт-батыр могут участвовать в улаживании споров из-за взаимных набегов, размене пленными и угнанными, даже без выкупа. Минские волости, откуда писал Абулхаир, – это кочевья рода мин по р. Дема. Он отрещивается от набегов неподконтрольных «дураков», которых предлагает «унять сообща», но гарантирует охрану послов от Уфы. Письмо заверено печатями беев Ногайской дороги, что подтверждает его представительный статус (МИБ, 1936: 279).

Из содержания письма очевидно: башкиры продолжали совершать набеги как на российские крепости, так и на казахские улусы, независимо от формального подданства. Абулхаир выступал здесь не как властитель башкир, а скорее как посредник в обмене пленными. Он подходил на эту роль лучше, чем потомки Кучума, те в официальной переписке с царём давно не состояли. Башкиры разных дорог часто переключивали вину за набеги друг на друга, но действовали согласованно. Дипломатические обращения использовались как инструмент защиты интересов, а не подчинения. Показательно, что Абулхаир даже в 1737 г. не владел грамотой, всю переписку за него вёл Бепеней-абыз (от слова «хафиз» – человек, знающий Коран наизусть) (Устюгов, 1950: 94-96).

Такое положение не устраивало царскую власть. Чтобы окружить башкир, требовались новые линии крепостей. Походы И. Бухгольца в Джунгарию (1715–1716 гг.) и А. Бековича-Черкасского в Хиву (1714–1717 гг.) провалились. Аюка, не желая быть окружённым империей, предупредил Хиву об их разведывательной миссии (Тоган, 2010: 114). Яицкие казаки пытались строить городки в среднем течении Яика, у устья Сакмары и выше устья Илека (Материалы..., 1900: 14), но оба были разрушены башкирами. После переносов они были восстановлены: на Сакмаре – в 1725 г., Илецкий городок – в 1737 г. (Денисов, 2006: 43).

Яицкие казаки не справлялись с задачей изоляции башкир. Для военной поддержки нужен был новый вассал, ведь калмыков перевели за Волгу. Только в 1730-х гг. А. Тевкелев смог завербовать Абулхаира на царскую службу, когда империя восстановилась после затяжного кризиса, вслед за смертью Петра I.

Продвижение вглубь степей требовало полевой артиллерии, без которой не имело смысла выступать в степь. Вплоть до Оренбургской экспедиции 1734 г., территория Уфимской провинции на картах и в документах официально именовалась «Башкирской Ордой» (Рисунок 1). В одном из донесений говорилось: «На многих походах их отцы и родственники побиты и в полон пойманы и донныне живут посреди Башкирской Орды... их город стал украинным [пограничным] и находится в

отдалении от других городов, в самой середине басурманской, воровской орды» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 102. Л. 127; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107. Л. 201).

Рис. 1. «Новая лантль карта Башкирской орды или Уфимской провинции... 1737 года», фрагмент (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 863. Л. 1)

5. Заключение

К концу XVII в. положение башкир относительно царских крепостей изменилось: после ойратских междоусобиц и ухода основной массы калмыков в низовья Волги башкиры оказались вблизи новых соседей – казахов, заселявших долины Эмбы, Яика и Тобола. Эти контакты происходили в условиях двоеданства башкир – одновременного подданства как русскому царю, так и чингизидам. В 1694 г., с возобновлением войны с Османской Портой, часть башкир присягнула казахскому хану Тауке. Усиление поборов с 1704 г. вызвало восстание всех четырёх дорог. Башкиры вступили в союз с каракалпаками и казахами, пригласив ханов по решению йыйына и заключив с ними соглашения.

В 1707 г. Мурат из рода Кучума получил признание от халифа как султан каракалпаков и башкир и объявил газават. После его плена при штурме Терской крепости и казни в 1708 г. война продолжилась в союзе с казаками-булавицами и ногайцами. Полководец Б. Шереметев смог не допустить объединения их войск и защитить линии царских крепостей. Война переместилась в глубь степи, где полки П. Хохлова и С. Аристовы были разгромлены у горы Юрактау в 1709 г. В сражении от имени хана Младшего жуза Каипа участвовал Абулхаир, направленный к башкирам в статусе датка. Одновременно башкиры призвали ханом Кучумовича Ырыс-Мухамета.

После неудачи Прутского похода 1711 г. и затяжной Северной войны царская власть была вынуждена мириться с политическим двоеданством. Прилинейные башкиры под руководством Кусюма Тюлекеева дали вассальную присягу, а отдалённые роды, ведомые Алдаром Исекеевым, отказались признать подданство. Попытки охвата Башкирии сетью крепостей, включая экспедиции И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского в 1714–1717 гг., не дали результата.

До получения царской присяги от Абулхаира и начала Оренбургской экспедиции в 1730-х гг. Башкирская Орда оставалась де-факто независимой. Османские источники подтверждают представительный характер султаната ханской власти среди башкир и признание башкирского вилаята самим халифом.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан; тема исследования: «История Северного Казахстана с древнейших времен до новейшего времени» (ИРН BR21882225).

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Азнабаев, 2016 – *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа, БГУ, 2016 г. 370 с.

Акманов, 2016 – *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII–XVIII вв. – феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап. 2016. 376 с.

Альтернативные пути..., 2000 – Альтернативные пути к цивилизации. Сборник статей под редакцией Н.Н. Крадина. М.: Логос, 2000. 368 с.

Буканова, 2010 – *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.

Добромыслов, 1902 – *Добромыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Вып. 3. Т. 1. Тверь: Типо-Литография Н. М. Родионова, 1902. 524 с.

Денисов, 2006 – *Денисов Д.Н.* История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII–XX вв.). Оренбург, 2006. 190 с.

Ермаков, 2008 – *Ермаков В.В.* Обращение к истокам: История Набережных Челнов и региона Восточного Закамья. Казань: Казанский гос. ун-т, 2008. 465 с.

Исламизация..., 2013 – Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии. Отв. ред: Девин Де Уис, А.К. Муминов. Т.1. Алматы: «Дайк пресс», 2013. 641 с.

Каппелер, 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.

Кюгельген, 2004 – *Кюгельген А. фон.* Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 514 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Соч. Алексея Левшина. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 334 с.

МИБ, 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1936. 631 с.

МИК, 1935 – Материалы по истории каракалпаков. Сборник / Редактор издания А.Н. Самойлович. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1935. 299 с.

Материалы..., 1900 – Материалы по истории России. Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / По арх. документам Тург. обл. правл. сост. А.И. Добромыслов. Т. 2: 1735 и 1736 годы / В 2 т. Оренбург: типо-лит. Ф.Б. Сачкова, губ. стат. ком., 1900. 279 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Соловьев, 1962 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 15. Книга VII. М.: Издательство соц.-экономической литературы, 1962. 730 с.

Таймасов, 2010 – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. Уфа: Китап, 2010. 344 с.

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Тоган, 2010 – *Валиди Тоган А.З.* История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

Тюменское и Сибирское..., 2018 – Тюменское и Сибирское ханства / ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

Устюгов, 1947 – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг., в сб.: Т. 24 / Отв. ред. акад. Б. Д. Греков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Акад. наук СССР, 1947. С. 30-110.

Устюгов, 1950 – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание. 1737–1739 гг. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1950. 156 с.

Утемиш-хаджи, 2017 – *Утемиш-хаджи.* Кара-таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Юсупов, 2009 – *Юсупов Ю.М.* История Башкортостана в XV-XVI веках (социально-политический аспект). Уфа: «Гилем», 2009. 189 с.

Эпистолярное наследие..., 2014 – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х т. / Сост-ль и отв. редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «Абди компани», 2014. Т. 1. 1026 с.

Aznabaev, Kortunov, 2021 – *Aznabaev B.A., Kortunov A.I.* Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1638-1649.

Imber, 2009 – *Imber C.* The Ottoman Empire, 1300-1650: The Structure of Power. Palgrave, 2009. 421 p.

İnalçık Halil, 1989 – *İnalçık Halil.* The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300-1600. Front Cover. Weidenfeld and Nicolson, 1989. History. 257 p.

References

Akmanov, 2016 – *Akmanov, I.* (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII–XVIII vv. – fenomen v istorii narodov Evraziyu [Bashkir uprisings of the 17th–18th centuries – a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa: Kitap, 376 p. [in Russian]

- [Al'ternativnye puti..., 2000](#) – Al'ternativnye puti k civilizacii [Alternative paths to civilization]. Sbornik statei pod redaktsiei N.N. Kradina. M.: Logos, 2000. 368 p. [in Russian]
- [Aznabaev, 2016](#) – *Aznabaev, B.A.* (2016). Baskirskoie obshestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the 17th - first third of the 18th centuries]. Ufa: RITS BashGU, 370 p. [in Russian]
- [Aznabaev, Kortunov, 2021](#) – *Aznabaev B.A., Kortunov A.I.* L Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733. *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1638–1649.
- [Bukanova, 2010](#) – *Bukanova, R.G.* (2010). Goroda-kreposti na territorii Bashkortostana v XVI–XVII vv. [Fortress cities on the territory of Bashkortostan in the XVI–XVII centuries]. Ufa: Kitap, 64 p. [in Russian]
- [Denisov, 2006](#) – *Denisov, D.N.* (2006). Istoriya zaseleniya i etnokul'turnoe razvitie tatar Orenburgskogo kraya (XVIII–XX vv.) [The history of settlement and ethnocultural development of the Tatars of the Orenburg region (XVIII–XX centuries)]. Orenburg, 190 p. [in Russian]
- [Dobromyslov, 1902](#) – *Dobromyslov, A.I.* (1902). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Istoricheskii ocherk. Vyp. 3. T.1. Tver': Tipografiya N. M. Rodionova, 524p. [in Russian]
- [Epistolyarnoe nasledie..., 2014](#) – Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 gg. [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite 1675–1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-kh tomakh. T. I: Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor I.V. Erofeeva. Almaty: AO «ABDI Kompani», 2014. 696 p. [in Russian]
- [Ermakov, 2008](#) – *Ermakov, V.V.* (2008). Istoriya Naberezhnih Shelnov i regiona vostoshnoe Zakamie. Shast I [History of Naberezhnye Chelny and the Eastern Zakamyie region. Part I]. Izdanie 2-e, isp i dop. Kazan: Kazan. gos. un-t. 468 p. [in Russian]
- [Imber, 2009](#) – *Imber C.* The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. Palgrave, 421 p.
- [İnalçık, 1989](#) – *İnalçık Halil.* The Ottoman Empire: The Classical Age, 1300–1600. Front Cover. Weidenfeld and Nicolson, 1989. History. 257 p.
- [Islamizatsiya..., 2013](#) – Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnnye v Tsentral'noi Azii [Islamization and sacred bloodlines in Central Asia]. Otv. red: Devin De Uis, A.K. Muminov. T. 1. Almaty: «Daik press», 2013. 641 s. [in Russian]
- [Kappeler, 2000](#) – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – multinational Empire: Emergence. History. Decay]. M.: Tradition, 44 p. [in Russian]
- [Kugelgen, 2004](#) – *Kugelgen, A.* (2004). Legitimatsiya sredneaziatskoj dinastii mangitov v proizvedeniyah ih istorikov (XVIII–XIX vv.) [Background Legitimation of the Central Asian Mangit dynasty in the works of their historians (XVIII–XIX centuries)]. Almaty: Dyke Press, 514 p. [in Russian]
- [Levshin, 1832](#) – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Soch. Alekseya Levshina. SPb.: Tip. Karla Kraiya, 334 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1900](#) – Materialy po istorii Rossii. Sb. ukazov i drugih dokumentov, kasayushchihsvya upravleniya i ustrojstva Orenburgskogo kraya [Materials on the history of Russia. Collection of decrees and other documents concerning the administration and organization of the Orenburg region]. V 2 t. Pp. 1735–1736. Orenburg, 1900. 279 p. [in Russian]
- [MIB, 1936](#) – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. 1. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1936. 631 p. [in Russian]
- [MIK, 1935](#) – Materialy po istorii karakalpakov. Sbornik [Materials on the history of the Karakalpaks. Collection]. Redaktor izdaniya A.N. Samoilovich. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1935. 299 p. [in Russian]
- [Solovyov, 1962](#) – *Solovyov, S.M.* (1962). Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [The history of Russia since ancient times]. T. 15. Kniga VII. M.: Izdatel'stvo sots.-ekonomicheskoi literatury, 730 p. [in Russian]
- [Taimasov, 2010](#) – *Taimasov, S.U.* (2010). Bashkirsko-kazahskie otnosheniya v XVIII v [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Ufa Kitap. 344 p. [in Russian]
- [Tepkeev, 2018](#) – *Tepkeev, V.T.* (2018). Ayuka-han i ego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista: KalmSC RAS, 366 p. [in Russian]
- [Togan, 2010](#) – *Validi Togan, A.-Z. T.* (2010). Istoriya bashkir [The history of Bashkirs]. Ufa: Kitap, 352 p. [in Russian]
- [Tyumenskoe i Sibirskoe..., 2018](#) – Tyumenskoe i Sibirskoe hanstva [Tyumen and Siberian Khanates]. Red. D.N. Maslyuzhenko, A.G. Sitdikova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. 560 p. [in Russian]
- [Ustyugov, 1947](#) – *Ustyugov, N.V.* (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [Bashkir uprising of 1662–1664]. V sb.: T. 24. Otv. red. akad. B. D. Grekov; Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.: Akad. nauk SSSR. Pp. 30–110. [in Russian]
- [Ustyugov, 1950](#) – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. Akad. nauk SSSR. In-t istorii. M.; L.: Izd. i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR v M., 156 p. [in Russian]

Utemish-hajji, 2017 – *Utemish-khadzhi* (2017). Kara-tavarikh [Kara-tavarikh]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 312 p. [in Russian]

Yusupov, 2009 – *Yusupov, Yu.M.* (2009). Istoriya Bashkortostana v XV-XVI vekah (social'no-politicheskij aspekt) [The history of Bashkortostan in the XV-XVI centuries (socio-political aspect)]. Ufa, Gilem. 189 p. [in Russian]

Султанат или вожжество? Статус приглашённых чингизидов Башкирской Орды в годы восстаний начала XVIII в.

Азамат Хурматович Рыскильдин ^{a, b, *}, Альберт Рифгатович Асылгужин ^c

^a ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

^b РГУ Институт истории государства Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

^c РГП Научный институт изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье предпринят междисциплинарный анализ башкирского восстания 1704–1711 гг., в ходе которого, в ответ на налоговые реформы Петра I, башкиры привлекли каракалпаков и казахов к нападениям на укрепления Закамской черты, остроги Урала и Сибири. Союз оформлялся приглашением джучидов на представительную ханскую власть по решению башкирского йыйына, на договорных условиях икта-асаба, привычных для башкир с домонгольских времён, и продолжавшихся в Ногайской Орде Улуса Джучи.

Оспаривается взгляд на «Башкирскую Орду» как на безгосударственное вожжество. Несмотря на то, что слуги империи называли повстанцев «ворами» и «пущами изменниками», Орда не была «акефалией», так как статус султаната подтверждался инвеститурой халифа с легитимацией представительной ханской власти в рамках тюрко-мусульманского публичного права.

Ключевые слова: йыйын, иштеки, Баба-Туклес, казахи, каракалпаки, калмыки, султанат, двоеданство, Орда, инсигния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azamat.ryskildin@gmail.com (А.Х. Рыскильдин),
asylbertyandex.ru (А.П. Асылгужин)